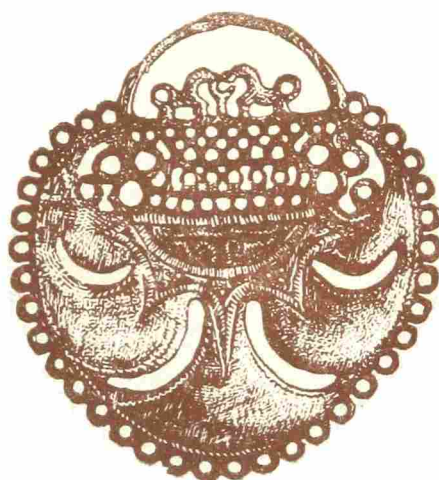

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2
1986

В. И. САРИАНИДИ

МЕСОПОТАМИЯ И БАКТРИЯ ВО II ТЫС. ДО Н. Э.

Интенсивные исследования последних лет советских археологов в Северном Афганистане и южных областях Средней Азии с документальной точностью установили, что Бактрия, располагавшаяся по обе стороны Амударьи, уже во II тыс. до н. э. представляла собой высокоразвитую страну древневосточного типа. Более того, широкомасштабные раскопки в Юго-Восточных Каракумах, в древней Маргиане позволили выдвинуть тезис о близком культурно-историческом родстве Бактрии и Маргианы и о существовании особого бактрийско-маргианского центра в системе всего древневосточного мира [1].

В литературе уже были отмечены впечатляющие параллели этому конкретному археологическому комплексу в материалах Горганской долины (Северо-Восточный Иран), Керманского оазиса (Восточный Иран) и особенно в Эламе (Юго-Западный Иран), а в опосредствованной форме в Месопотамии [2]. Совокупность всех известных данных позволила сформулировать предположение о сложении бактрийско-маргианского археологического комплекса в связи с приходом сюда населения с территории соседнего Ирана, а новые материалы представляют дополнительные данные в пользу такого допущения. Вместе с тем в настоящее время появляются факты, свидетельствующие о более отдаленном месопотамском влиянии (особенно Нижней Месопотамии, которая издревле обнаруживала общее культурное сходство с соседним Эламом). Иначе говоря, имеются соответствия бактрийско-маргианскому комплексу одновременно в Эламе и Южном Двуречье, что заставляет предположить месопотамский компонент в сложении культуры Бактрии и Маргианы. Для удобства изложения здесь и далее под термином Бактрия мы будем подразумевать и Маргиану, материальная культура которых в это время была практически идентичной. Осталось отметить, что большинство рассматриваемых изделий происходит из разграбленных могил Южной Бактрии, принадлежность которых эпохе бронзы может считаться доказанной.

После этих предварительных замечаний перейдем к фактическим данным, причем в качестве сопоставимых примеров будут использованы такие специфические предметы, которые бы сводили до минимума элемент случайного совпадения.

Из разграбленных могил Южной Бактрии происходят бронзовые изделия, отдаленно напоминающие саблю, но с плоским, специально затупленным лезвием и сквозной дырочкой на конце [3, рис. 7]. Показательно, что известны они в системе всего древневосточного мира еще только в Сузиане, а более художественно исполненные происходят из одной могилы в Телло [4, с. 129], не оставляя сомнения, что именно месопотамо-эламские оригиналы являются прототипами для бактрийских, представляющих собой их упрощенные копии. Тот факт, что бактрийские экземпляры изготовлены из мышьяковистой бронзы [3, с. 155], может указывать на их местное бактрийское изготовление, а не на импорт с запада. Назначение их остается не совсем ясным. Отметим лишь сходные предметы в руках божеств, героев и государей Ассирии; возможно, они имели престижное значение [5, рис. 104 и др.].

Из разграбленных могил Бактрии происходит также явно церемониальный топор [2, табл. V, 2], точная копия которого обнаружена при раскопках культового здания Тоголок 21 в Маргиане (рис. 1). Если бы

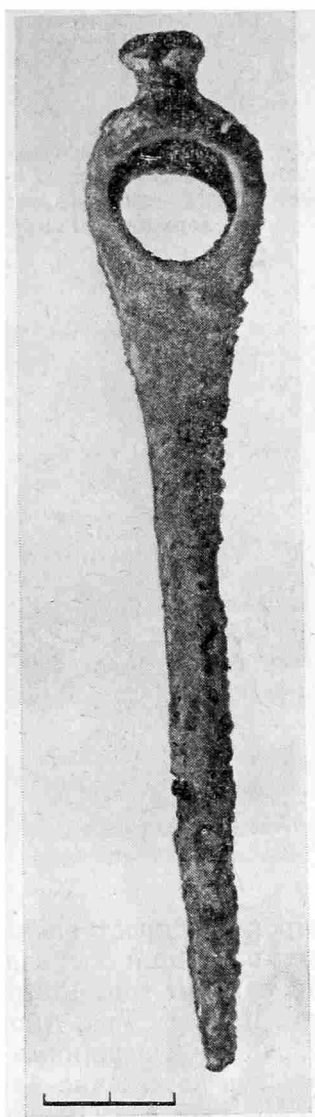
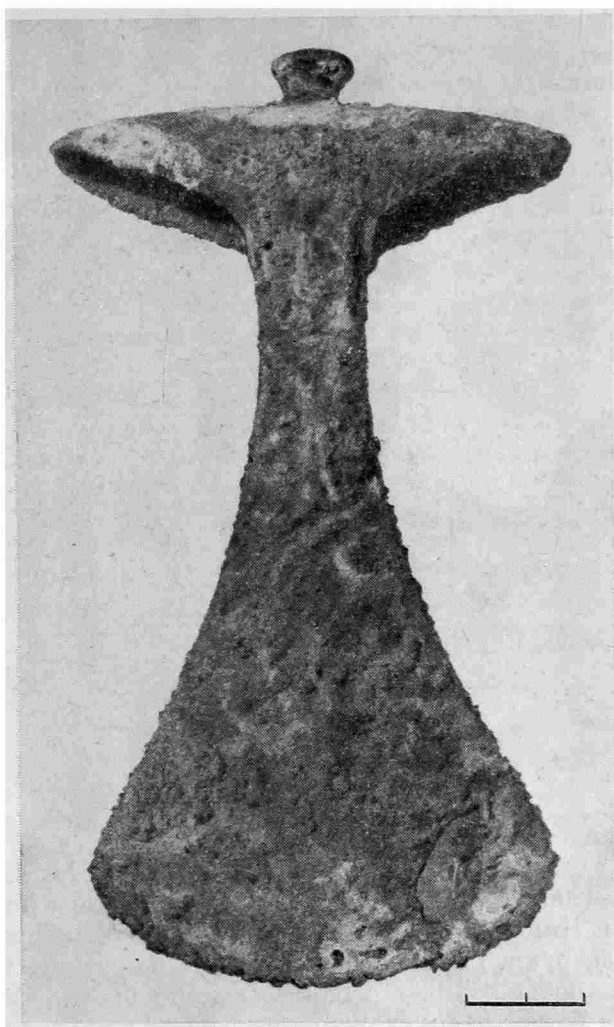

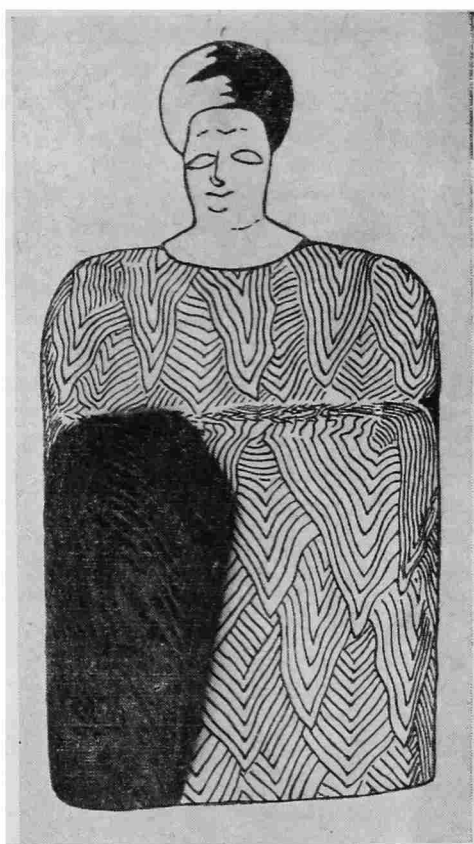
Рис. 1. Маргиана. Бронзовый церемониальный топор из культового здания Тоголок 21

не огромное расстояние, разделяющее Бактрию и Маргиану, можно было бы допустить, что оба предмета вышли из рук одного мастера. Уже было отмечено, что бактрийский экземпляр находит наиболее показательные параллели с топорами-алебардами эпохи Агада в Месопотамии [2, с. 112], что с полным основанием приложимо и к вновь обнаруженному маргианскому образцу.

В могилах Бактрии были найдены полые слабоизогнутые, слегка уплощенные металлические изделия с тупым лезвием, нередко сохранившие внутри остатки дерева. П. Амье находит возможным сравнивать их с месопотамскими топорами [2], но и в таком случае в Бактрии они имели скорее всего престижное, а не бытовое назначение.

Среди бактрийских булавок со скульптурными навершиями исключительного внимания заслуживает одна с прямым стержнем, но не с заостренным, а напротив, с утолщением на одном конце и с навершием в виде бородатой головы быка-андрокефала на другом. Для сравнения достаточно вспомнить бородатую головку быка арфы из царского некрополя в Уре. Она теперь дополняется аналогичной булавкой из Телло, хранящейся в Луврском музее, с навершием в виде бородатого быка и, что показательно, не с острым, а с утолщенным, как у бактрийского образца концом [6, рис. 11], указывая на их близкое функциональное назначение в качестве косметических палочек для раскрашивания тела. Довольно

Рис. 2. Каменные «составные» стеатитовые статуэтки. 1 — из могил Бактрии; 2 — из Маргианы, с поверхности Гонур 1

широко распространены среди бактрийских булавок экземпляры, у которых навершия выполнены в виде сжатого кулака [7, рис. 2, 11, 12]; они находят соответствия в булавках Месопотамии, и в том числе в царских могилах Ура, Ашшур и Киша. Особенно показательны бактрийские булавки с навершиями в виде руки, сжимающей в кулаке животное, находящее достаточно близкие соответствия в художественной бронзе Элама [8, рис. 47]. Выделяется булавка со сложнокомпозиционным навершием, одна из фигур которой изображает стоящего на задних ногах и обернувшегося назад быка — иконографическая поза, широко распространенная в глиптике Месопотамии.

Из могильников Бактрии, а теперь предположительно и Маргианы (рис. 2, 1) происходят каменные так называемые составные статуэтки, изображающие сидящих женщин, тела которых выточены из стеатита, а приставные головы — из белого известняка. Как правило, они изображены в сидячем положении, с характерной трактовкой платьев в виде волнистых линий или «язычков», прямо напоминающих конакос — древнешумерские одеяния Месопотамии [9]. Близкие по типу наборные статуэтки известны еще в Фарсе, так что было высказано вполне вероятное мнение о распространении их от Месопотамии через Иран вплоть до Бактрии [2, с. 105], а теперь, можно предположить, и до Маргианы (рис. 2, 2).

Наиболее ярко и выразительно месопотамское влияние прослеживается, бесспорно, в бактрийской глиптике и сфрагистике. В настоящее время отсюда происходит весьма показательная коллекция медно-бронзовых печатей и каменных амулетов с гравированными изображениями, находящими свои наиболее показательные соответствия в глиптике Сузианы и Месопотамии. Так, среди бактрийских медно-бронзовых перегородчатых печатей выделяется группа, которая сохранила изображения, объединенные темой «хозяин» или «хозяйка» животного мира. Как правило, в центре таких ажурных печатей помещена стройная, вероятнее всего женская фигура, фронтально, в спокойной статичной позе, с головой, повернутой в профиль, с разведенными в стороны локтями и ладонями, сложенными

Рис. 3. Бактрия. Оттиски с цилиндрических печатей (1-5); бронзовые печати (7, 8, 12) и оттиски (6, 9-11)

на талии (рис. 3, 6). Судя по одной печати, которая с оборотной стороны сохранила добавочную проработку чеканкой, на женщинах были одеты длинные, до пят, одеяния типа месопотамских «конакоэ». Как правило, по бокам от этих фигур помещены изображения птиц, вероятнее всего орлов, в геральдической позе и хищных кошачьих животных типа пантер, а также львов. Мотив «хозяина» или «хозяйки» животного мира был широко распространен в переднеазиатской глиптике, причем предполагают его скорее всего эламское происхождение, откуда этот мотив затем мог попасть в Месопотамию. В доказательство, помимо прочего, приводятся известные из Сузианы скульптурные изображения богини, поддерживающей руками свой бюст. Не оспаривая этого мнения, отметим, что бактрийские персонажи на перегородчатых печатях ближе соответствуют месопотамским (1800—1600 гг. до н. э.) как они изображе-

ны на печатях древневавилонского периода [10, табл. LV, LVII, LX и др.]. Правда, в месопотамской глиптике это, как правило, фронтально стоящие обнаженные женские фигуры; в отдельных случаях имеются изображения с повернутыми в сторону головами [10, с. 56]. В этом плане исключительный интерес представляет одна фигурная бактрийская печать (рис. 3, 7, 8), отлитая в виде быка, стоящего в ладье, в свою очередь изображенной в виде двуглавого змея с перекрученным телом [1, рис. 47, 3]. И хотя образ быка издревле был популярен в переднеазиатском искусстве, думается, что семантически наиболее близкие соответствия дает все та же месопотамская глиптика. Именно здесь известны уже с урукского времени цилиндры с изображениями ладьи, корма и нос которой оформлены в виде змеиных голов, не оставляя сомнений в их реальном взаимном соответствии. Более того, на тех же цилиндрах нередко в такой ладье находятся люди, божества и животные, причем для нас особенно показателен рисунок быка, на спине которого помещен алтарь. Считается, что главные персонажи в таких композициях изображают бога солнца, а в целом они связаны с земледельческой тематикой [11, с. 88, табл. III, XIX]. Не исключено, что бактрийская печать с изображением быка в ладье продолжает месопотамскую тему, отличаясь определенным упрощением былых многоплановых композиций, что неудивительно, если учесть территориальную отдаленность, а главное — хронологические различия между ними.

Для нашей темы особенно важна одна серебряная бактрийская печать с изображением полуобнаженной женщины в длинной юбке типа «конакоэ», сидящей верхом на львоподобном животном, украшенном рогом и бородкой. Уже сам сюжет — женщина сидящая на льве — воскрешает в памяти изображения эламских и месопотамских богинь рубежа III—II тыс. до н. э. На бактрийской печати женщина показана в сопровождении двух козлоногих животных, прямо соответствуя близким изображениям на месопотамских печатях. Для нашей темы особый интерес представляют такие детали, как рог и бородка у львоподобного чудища, находящие прямые соответствия все в той же месопотамской глиптике [12, с. 170]. Правда, там они украшают голову змееподобного дракона, и не львоподобного чудища. Но среди бактрийских стеатитовых изделий имеется одна коробочка (рис. 4) и сосудик (рис. 5) с гравированными рисунками змееподобных драконов, головы которых украшены рогами и бородкой, что не оставляет сомнений во взаимной близости двух предметов. Осталось добавить, что Сузиана и Керманский оазис в Иране дают сходные изображения, видимо, фиксируя промежуточный путь распространения хотя и разных изображений, но со сходными (рог и бородка) стилистическими деталями. Наконец, среди тех же, перегородчатых ажурных печатей имеется одна (рис. 3, 12), в центре которой изображена крылатая антропоморфная фигура, сидящая на короточках с рогами на голове [13, рис. 1, 3]. Женское крылатое божество с рогами на голове чаще всего ассоциируется в месопотамской глиптике с богиней Иштарь, но там она никогда не изображалась сидящей на короточках, в чем, возможно, проявилась чисто бактрийская переработка привнесенного мотива.

Столь же показательны бактрийские печати с изображением в центре сидящей антропоморфной фигуры с птичьим лицом и поднятыми вверх руками, причем на одной такой печати изображена коленопреклоненная человеческая фигура с орлиной головой и крыльями вместо рук [3, рис. 36]. Думается, что наиболее показательные аналогии представляет глиптика Сирии (1800—1200 гг. до н. э.), где имеются оба типа бактрийских антропоморфных персонажей [10, табл. LXXXVII; табл. CXLI, № 933]. Близко к ним примыкает металлический прямоугольной формы амулет с двусторонним изображением. На одной стороне сохранился типично бактрийский рисунок крылатого животного в окружении змей, а на другой — антропоморфная фигура с птичьим лицом и крыльями; обе руки подняты перед грудью вверх, от талии расширяясь вниз ниспадает длинная юбка. В общей форме это изображение ближе всего на-

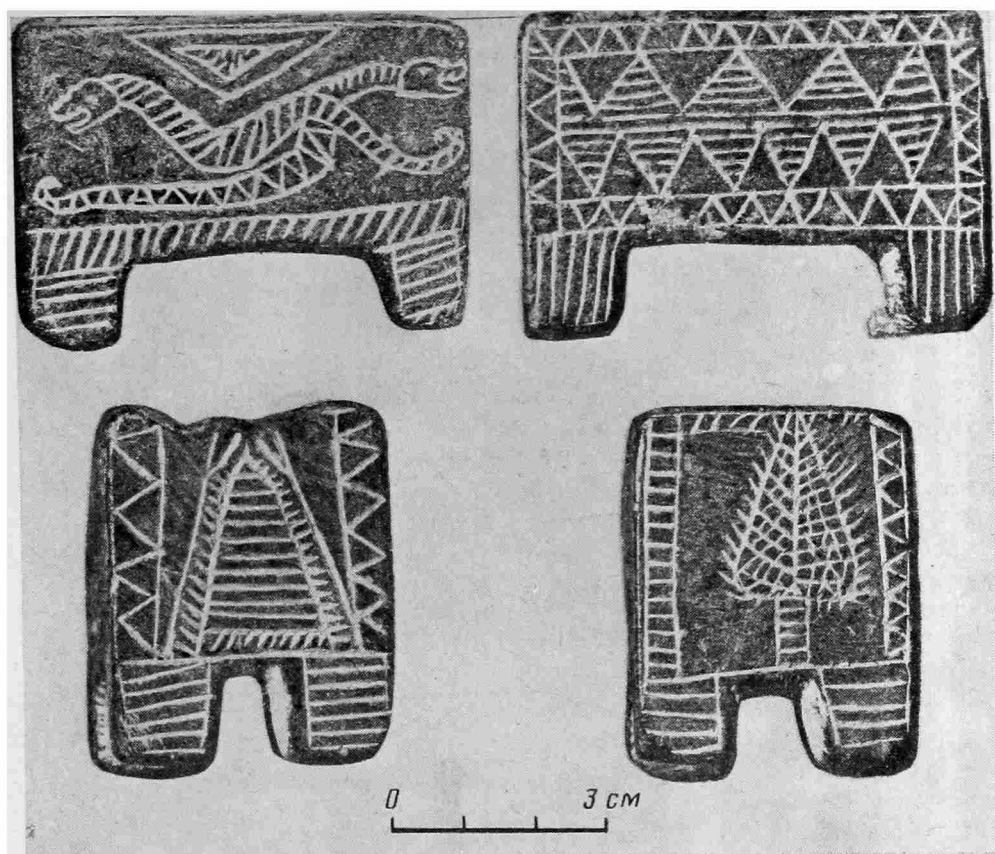

Рис. 4. Бактрия. Стеатитовая коробочка с изображением змей

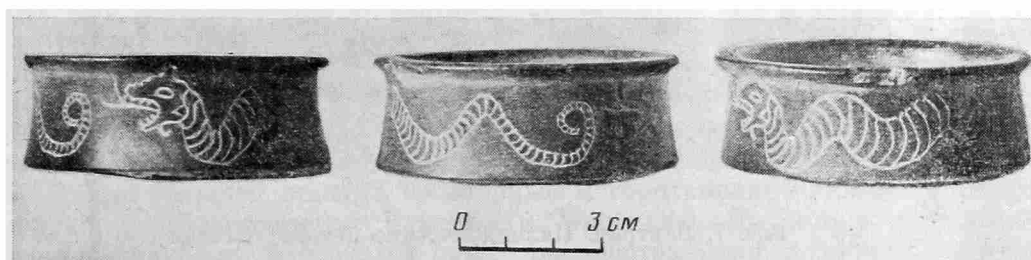

Рис. 5. Бактрия. Стеатитовый сосудик с изображением дракона

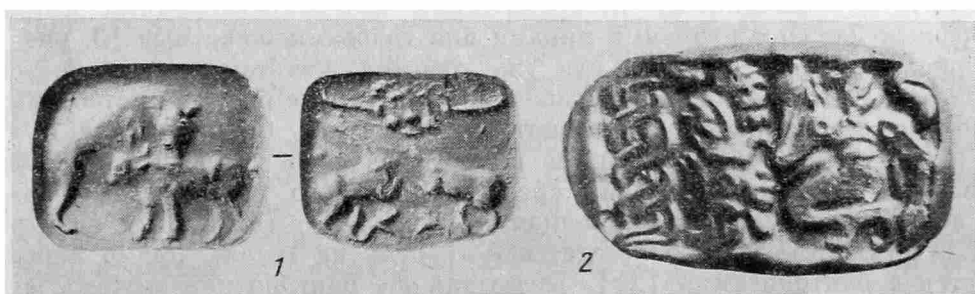

Рис. 6. Бактрия. Каменные амулеты

поминает демонов-грифонов ассирийского искусства [7, табл. LXXXVII].

В глиптике Бактрии и Маргианы имеются гравированные рисунки крылатых львов, грифонов, героя, борющегося с животными, и других изображений, находящих преимущественно аналогии на печатях-цилиндрах Сузианы и Месопотамии [14]. В этом плане особый интерес представляют маргианские амулеты с изображениями пожирающих друг

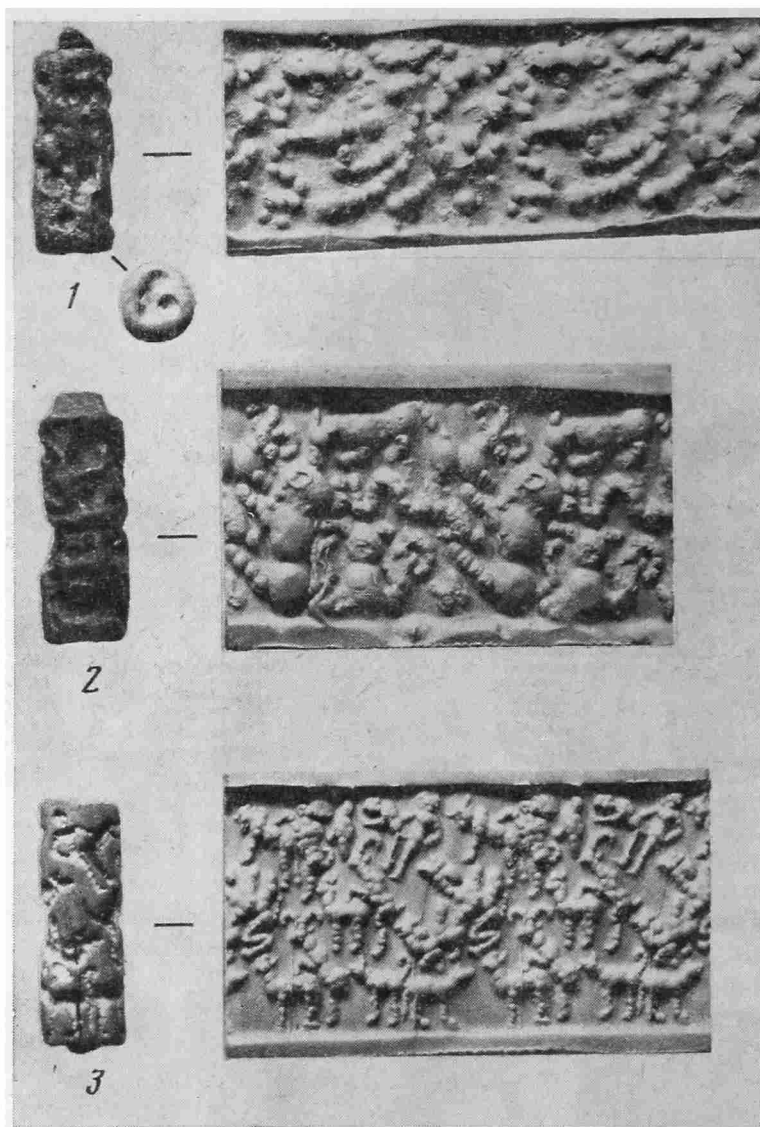

Рис. 7. Бактрия. Цилиндрические печати, оттиски

друга змей (или драконов), прямые аналогии чему имеются в Эламе [8, рис. 124]. В этой связи заслуживают внимания три каменных амулета с однотипными изображениями коленопреклоненных антропоморфных фигур с птичьими лицами или головами животных [3, рис. 29; 9, рис. 1, 1, рис. 2]. П. Амье уже отметил, что такие стилистические детали, как пламя над левым плечом, не могли не быть заимствованы из мифологических сюжетов Месопотамии, а точнее, Сирии начала II тыс. до н. э. [3, с. 161]. Добавим иконографически чрезвычайно близкое изображение грифона-демона среднеассирийского времени (XIV в. до н. э.), общая коленопреклоненная поза которого (рис. 6, 2) вплоть до такой стилистической близости, как гребень на голове, прямо перекликается с бактрийскими [15]. Точно так же бактрийские амулеты с рисунками льва, терзающего быка, и особенно двух хищников с одной общей головой (рис. 6, 1) прямо перекликаются с близкими, если не аналогичными, сюжетами все той же месопотамской глиптики [3, с. 161]. Укажем лишь, что змей под животами этих хищников опять-таки являются чисто бактрийской переработкой привнесенных мотивов.

Здесь же отметим, что в глиптике Бактрии и Маргианы рептилии, и особенно змей, а также фантастические существа типа драконов занимали едва ли не первое место. Причем среди известных изображений особый интерес для нас представляют рисунки «плетенок» или «гадючье-

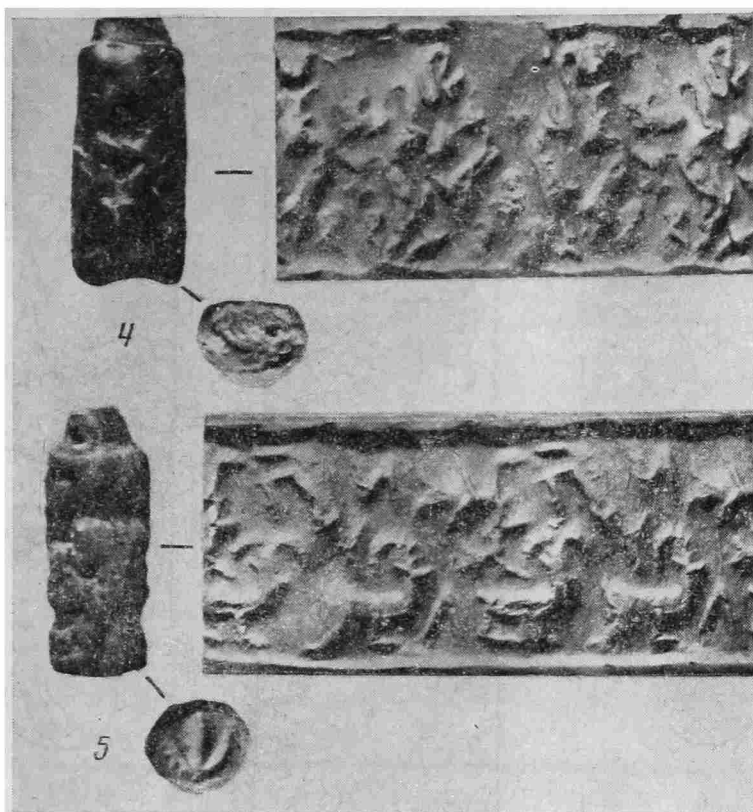

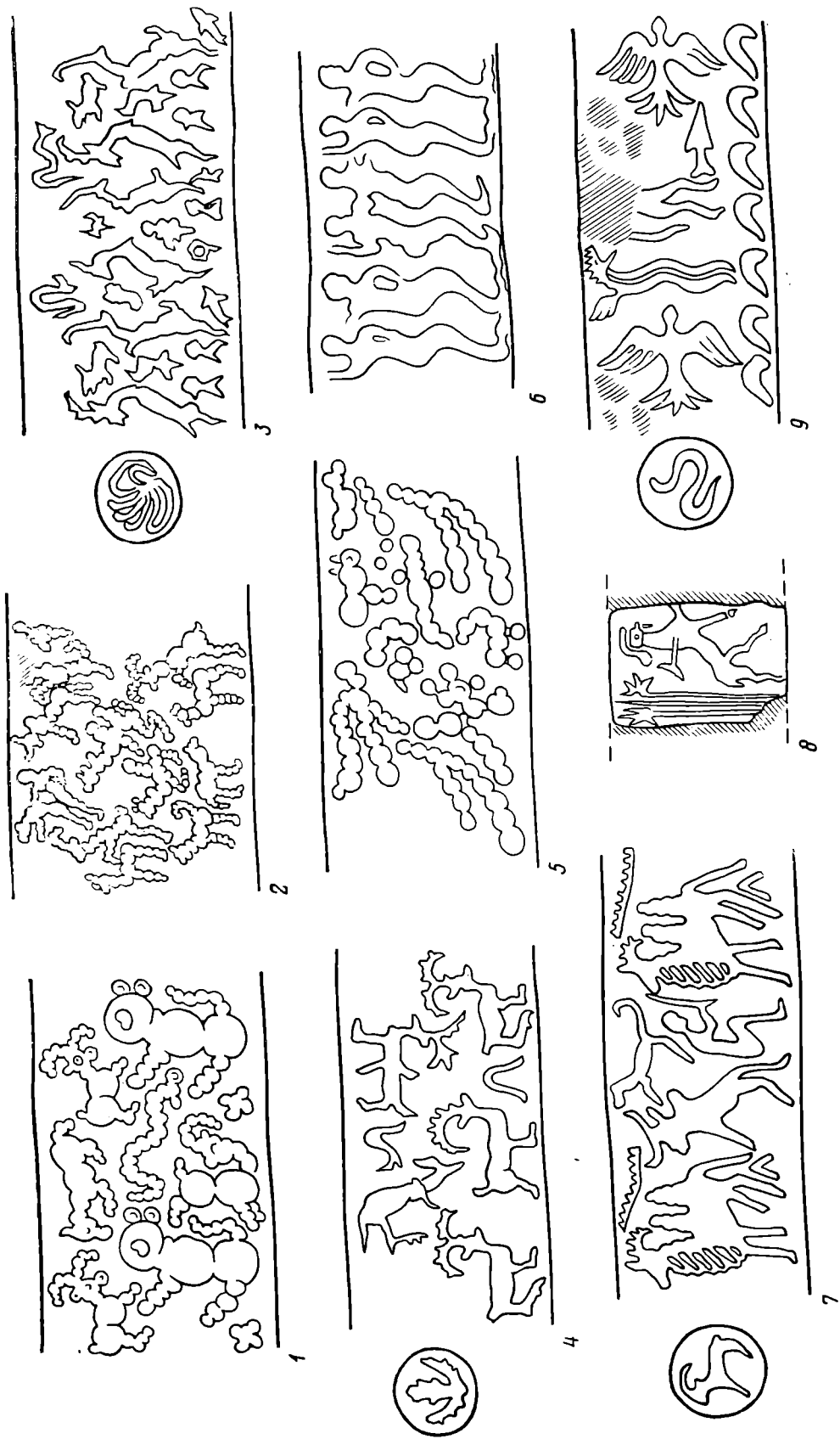
Рис. 7 (окончание)

го узла», составленные из переплетенных змеиных тел, находящие прямые аналогии в глиптике Месопотамии [11, табл. XXXIX; 14 табл. 24, № 244], как это справедливо допускается для Шахри Сохте в Сестане [16, рис. 9]. Наиболее популярная, если не сказать генеральная, тема бактрийско-маргианской глиптики — это композиции, на которых рептилии (преимущественно змеи) тянутся к задним ногам животных. В системе Передней Азии точно такие, но более ранние композиции известны пока еще только в Сузах, возможно, намечая центр происхождения семантически одинаковых сюжетов [17, рис. 44].

В еще большей степени бесспорные месопотамские влияния демонстрируют печати-цилиндры Бактрии и Маргианы. До самого последнего времени наиболее восточный пункт распространения подобных цилиндров-печатей располагался в Северо-Восточном Иране, на поселении Тепе Гиссар, где было обнаружено три таких экземпляра, однако теперь ареал их распространения резко расширился, включив в эту зону Маргиану и Бактрию. В настоящее время опубликовано шесть цилиндров-печатей из Бактрии [3, с. 158–160], одна из которых определяется как импортная из Элама [2, рис. 22], что, однако, потребует дополнительных доказательств.

П. Амье, отметив их связь с эламской и в опосредствованной форме с месопотамской глиптикой периода Джемдет Наср, тем не менее указал на возможно более позднюю дату бактрийских цилиндров (рис. 7). В Маргиане обнаружено четыре цилиндра и два отпечатка, сделанных методом прокатки на керамике [18] и один обломок [14, рис. 20, 20a]. Специальное исследование маргианских цилиндров позволило вполне убедительно показать сильное месопотамское влияние, проявившееся в ряде случаев в одинаковых композициях [18, с. 148, 149].

Наконец, мы имеем в своем распоряжении фотографии и прорисы еще пяти ранее не публиковавшихся цилиндрических печатей, происходящих из могил Южной Бактрии (рис. 8, 8, 10, 15, 17). Наиболее сохранившаяся из них (рис. 3, 1) имеет тонкогравированное изображение дерева в виде трех тонких вертикально стоящих стволов, центральный из которых сверху заканчивается петлевидными закруглениями, рядом с которыми изображены птички, как бы сидящие на ветвях. По обе сторо-

ны от центрального дерева напротив друг друга стоят два горбатых быка, над ними птица и извивающаяся змея с раскрытой пастью, предположительно преследующая летящую птицу. Мотив дерева и стоящие по обе стороны от него птицы или животные был широко распространен в глиптике Месопотамии, особенно в аккадский период [19, табл. XXIII, № 262], причем в ряде случаев известны изображения с птицами на деревьях [11, табл. XXIV] или под ними [10, табл. LXXXI]. Вместе с тем нам неизвестно точно такое же изображение, как на рассматриваемом цилиндре, что, видимо, указывает на местную, бактрийскую переработку привнесенного с запада мотива. Осталось добавить, что ветви, заканчивающиеся шишечками, более характерны для изображений сирохеттской глиптики и именно в среднеассирийский период наиболее распространяются композиции, построенные на симметрии противостоящих фигур.

Следующий оттиск с цилиндрической печати сохранил изображение предположительно всадника верхом на породистой лошади (рис. 3, 2). Плавная изогнутая шея заканчивается небольшой головой, передние ноги выброшены вперед в «быстром галопе». За лошадью сзади видна шагающая фигура человека (возможно, в шлеме), между ним и лошадью проступают ноги еще одного персонажа. На торцовой части цилиндра сохранилась гравировка рисунка сидящего животного, видимо антилопы. Здесь же отметим, что изображение какого-либо персонажа на торцовых частях цилиндров является отличительной чертой бактрийской глиптики. Основные персонажи на торцовых частях — растения, змеи, козлы или бараны.

В плане поисков истоков бактрийской глиптики исключительный интерес представляет обломанная половинка цилиндрической печати, изготовленная из камня красного цвета (рис. 3, 4). Печать сохранила рисунок дерева (возможно, пальмы), полумесяц луны и рядом стоящее на задних ногах и как бы обернувшееся назад рогатое животное с маленькой головкой типа антилопы, если только это не бык-андрокефал. Подобные сюжеты издревле были распространены в месопотамской глиптике [10, табл. IX], дожив вплоть до ахеменидского времени, так что лишь фрагментарность рассматриваемого экземпляра препятствует более точному его определению.

Четвертый цилиндр сохранил сильно стертое изображение (рис. 3, 5), на котором четко читается лишь предмет в виде прямого вертикального ствола стоящего на специальной подставке: в верхней части ствол заканчивается двумя боковыми косо поставленными линиями с шишечками на концах. Ниже имеется перекрестие, концы которого заканчиваются крестовидными завершениями. По обе стороны от этого, вероятнее всего, ритуального предмета прослеживаются слабые следы двух фигур. Наконец, последняя цилиндрическая печать (рис. 3, 3) демонстрирует вертикально идущие полосы, возможно передающие образы змей, вставших на свои хвосты, что, однако, требует дальнейшего уточнения.

Уже было высказано предположение, что печати-амулеты так называемого мургабского стиля с сюжетными изображениями скорее всего являются «конспектами» или «цитатами» общепонятных и некогда распространенных в местной среде устных мифологических поэм, наподобие эпоса о Гильгамеше. Более того, есть основания предполагать, что наиболее популярные эпизоды бактрийско-маргианского эпоса многократно тиражировались местными резчиками по камню, что как будто находит подтверждение на имеющемся материале. В самом деле, известная коллекция бактрийско-маргианской глиптики в ряде случаев повторяет одни и те же темы и образы, но, что особенно показательно, это же положение отмечается и для имеющейся весьма ограниченной группы цилиндрических печатей. В этом плане показательна сцена одного маргианского цилиндра с рисунком человека, держащего за повод двугорбое животное, ближе всего напоминающее верблюда [18, рис. 9], находя прямую реплику на металлическом бактрийском амулете с аналогичным изображением [20, рис. 18]. В другом случае показательна уже упоминавшаяся сцена

противостоящих быков по обе стороны от дерева, на ветви которых садятся птицы; дерево с птицами сохранил нам все тот же бактрийский амулет из Дашлиньского оазиса [20, рис. 17]. Уже эти, пока еще ограниченные, но именно поэтому в высшей степени выразительные соответствия свидетельствуют об общих религиозно-мифологических представлениях Бактрии и Маргианы, нашедших свое выражение в местной глиптике, изображения на которой, по удачному выражению П. Амье, можно назвать «образной мифологией». В таком случае повторяющийся мотив дерева с птицами ближе всего перекликается с касситскими печатями II тыс. до н. э., точно так же, как погонщик с верблюдом-бактрианом скорее всего имеет местное происхождение, невольно ассоциируясь с именем Заратустры, которое, как некоторые считают, переводится как «погонщик верблюдов».

Учитывая бедность Месопотамии металлом, трудно судить с уверенностью о характере отдельных изделий. Однако вилообразные орудия, массивные наконечники копий, «половники» парских могил Ура [21, табл. 189, 230, 238], находящие прямые типологические реплики в Эламе [22, рис. 21, 24, 26 и др.], а затем и Бактрии, не могут быть случайными; хронологический приоритет Месопотамии свидетельствует о распространении их с запада на восток.

Приведенные материалы и наблюдения при всей их отрывочности тем не менее указывают на культурно-исторические связи, существовавшие во II тыс. до н. э. между Месопотамией и примыкавшим Эламом, с одной стороны, и с Бактрией и Маргианой — с другой. Вместе с тем нет оснований видеть прямую связь между ними. Наоборот, это были опосредствованные связи, идущие через Иран, где можно предполагать промежуточные центры. Неоднократно отмечаемые соответствия глиптики Бактрии с периодом Джемдет Наср, возможно, намечают тот рубеж, когда древнеземледельческие племена Юго-Западного Ирана отрываются от своей метрополии и устремляются на восток в поисках новой родины. Неизученные обширные районы Восточного Ирана могут таить еще не открытые очаги культур типа Шахдад в Керманском оазисе, где пришлое население могло существовать в течение всего III тыс. до н. э. В таком случае Бактрия может фиксировать вторую волну предполагаемого племенного перемещения, но уже в начале II тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
2. *Amiet P.* Bactriane Proto-Historique.— Syria, 1977, v. LIV, № 1—2.
3. *Amiet P.* Antiquites de Bactriane.— La Revue du Louvre et des Musées de France. V. 28. P., 1978.
4. *Cros C.* Nouvelles Fouilles de Tello. P., 1941.
5. *Amiet P.* L'Art Antique du Proche-Orient. P., 1977.
6. *Maxwell-Hyslop K. R.* Western Asiatic Jewellery. L., 1971.
7. *Sarianidi V.* New Finds in Bactria and Indo-Iranian Connections.— South-Asian Archaeology. V. 2. Naples, 1979.
8. *Amiet P.* Elam. P., 1966.
9. *Amiet P.* Antiquites de Serpentine.— Iranica Antiqua, 1980, v. XV.
10. *Porada E.* The Collection of the Pierpont Morgan Library. Wash., 1948.
11. *Frankfort H.* Cylinder Seals. L., 1934.
12. *Potier M.-H.* Un Cachet en Argent de Bactriane.— Iranica Antiqua, 1980, v. XV.
13. *Сарианиди В. И.* Об одной группе древнебактрийской глиптики.— В кн.: Древняя Индия. М.: Наука, 1982.
14. *Сарианиди В. И.* Новый центр древневосточного искусства.— В кн.: Археология Старого и Нового света. М.: Наука, 1982.
15. *Porada E.* Mesopotamian Art in Cylinder Seals. N. Y., 1947.
16. *Piperno M., Salvatori S.* Recent Results and New Perspectives from the Research at the Graveyard of Shahr-i Sokhta, Sistan, Iran.— Annali dell Istituto Universitario Orientale. Roma, 1983, v. 43.
17. *Breton L.* Note Sur la Ceramique Peinte aux Environs de Sude et a Suse.— MMAI, 1947, t. XXX.
18. *Масимов Н. С.* Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба.— СА. 1981, № 2.
19. *Bochmer R. M.* Die Entwicklung der Glyptik Wahrend der Akkad-Zeit. B., 1965.
20. *Сарианиди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1976, № 1.
21. *Woolley.* Ur Excavations II. The Royal Cemetery. N. Y., 1934.
22. *Mecquenem R.* Fouilles de Suse 1929—1933.— MMAI, 1934, t. 25.

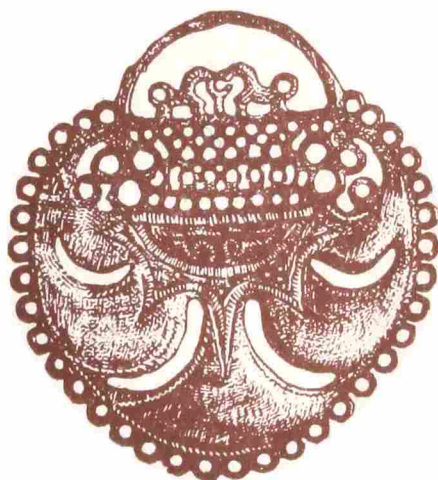
MESOPOTAMIA AND BACTRIA IN THE 2ND MILLENNIUM B. C.

S u m m a r y

The discovery of the Baktrian-Margianian archaeological complex of predominantly Western origin brought about a set of artifacts with Iranian — Mesopotamian prototypes. Thus, similar stone «staffs» were found in Lagash, pins with fist-shaped heads or crowned with heads of androcephalic oxen — in royal burials in Ur. Seals and charms carrying typically Mesopotamian images are especially demonstrative. Themes and images prompted by Mesopotamian glyptics include anthropomorphic deities with wings, including kneeling ones, winged lions, griffins, a lion tearing an ox to pieces, two beasts of prey with one head. Cylinder seals of the Mesopotamian type were also found. It is interesting to note that these images and types are not mere copies but local interpretations of Mesopotamian originals.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1981

трудниками² и И. В. Богдановой-Березовской³, мы пришли к выводу, что по содержанию примеси мышьяка, железа и сурьмы в сплаве кинжала из Вахшувара его можно условно отнести к мышьяковистым бронзам I типа и датировать концом II — началом I тысячелетия до н. э.

² Селимганов И. Р. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960.

³ Богданова-Березовская И. В. Химический состав металлических предметов из могильников эпохи бронзы в Бишкентской долине.— МИА, № 145, 1968, с. 163—168.

В. И. САРИАНИДИ

ЗЕРКАЛА ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

Открытие и исследование древнеземледельческих памятников эпохи бронзы в Бактрии показали, что во II тысячелетии до н. э. в этом регионе были распространены медно-бронзовые (в единичных случаях серебряные) зеркала, нередко помещенные в могилы в качестве заупокойных приношений. Особенно большое количество таких зеркал происходит из грабительских раскопок могильников эпохи бронзы области Балх, которые в конечном счете попали в антикварные лавки г. Кабула, где автор имел возможность сфотографировать и зарисовать их. В меньшем количестве, но встречены подобные зеркала и при археологических раскопках могильников эпохи бронзы Бактрии.

Как правило, это круглые (от 7—8 до 15—17 см в диаметре), слегка вогнутые зеркала в виде простого круглого диска с рельефным ободком по краю. Наряду с такими имеются зеркала с простой боковой ручкой, отлитые вместе, в одной форме¹.

Наряду с такими достаточно простыми по оформлению зеркалами имеется небольшая группа, ручки которых сохранили фигурное оформление в виде сильно стилизованной антропоморфной фигуры. Большая часть их происходит из грабительских раскопок могильников, но два встречены в могилах Сапалли-тепе², что дает веские основания рассматривать их все как относящиеся к эпохе бронзы (рис. 1, 1—3). Как правило, ручки таких зеркал массивны, отлиты отдельно (рис. 1, 4) и лишь затем припаяны к зеркалу. Имеющиеся образцы, как правило, отображают сильно стилизованные антропоморфные фигуры, у которых диск изображает голову, а сама ручка — тело с упирающимися в бедра руками. Наблюдается разная степень стилизации — от сравнительно реалистичных (рис. 1, 2—4) до предельно стилизованных (рис. 1, 1), когда руки переданы в виде двух изогнутых петелек, украшенных на плечах «погонами».

Помимо Бактрии известно еще лишь одно зеркало подобного типа в Белуджистане, ручка которого отлита в виде женской фигуры с подчеркнутой грудью и опущенными вниз руками. Подобно бактрийским образцам и это зеркало входило в состав погребального инвентаря могильника в Мехи³.

Долгое время это зеркало, относящееся к культуре Кулли, оставалось единственным из известных в системе Юго-западной Азии, так что было высказано вполне обоснованное для своего времени мнение о его чисто местном происхождении⁴.

¹ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1978, с. 78, рис. 40, 1, 3; Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, табл. XXXVII, 1—5, 7, 9—10.

² Аскаров А. Ук. соч., табл. XXXVII, 6, 8.

³ Stein A. An Archaeological Tour in Gedrosia. Memoires of the Archeological Survey of India, № 43, Calcutta, 1931, pl. XXXII.

⁴ Piggott S. Prehistoric India to 100 b. c. London, 1962, p. 114, fig. 11.

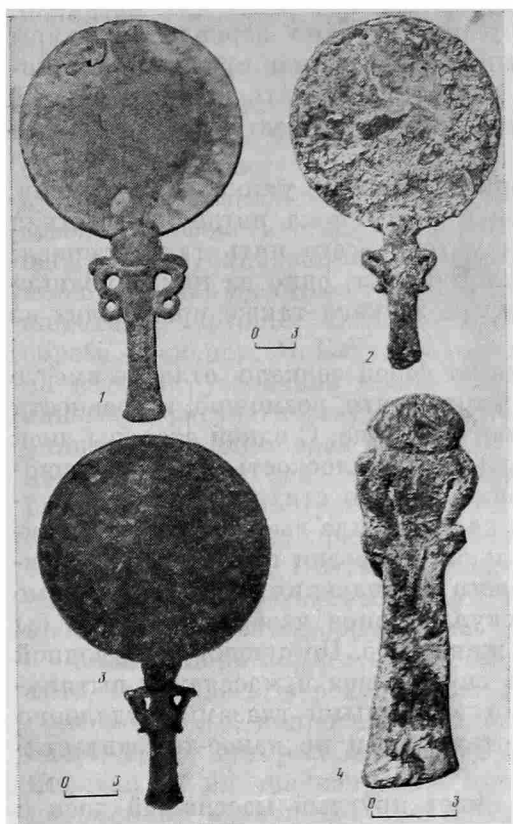

Рис. 1. Зеркала, происходящие из могильников эпохи бронзы области Балх (Афганистан). 1—3 — зеркала, 4 — ручка от зеркала

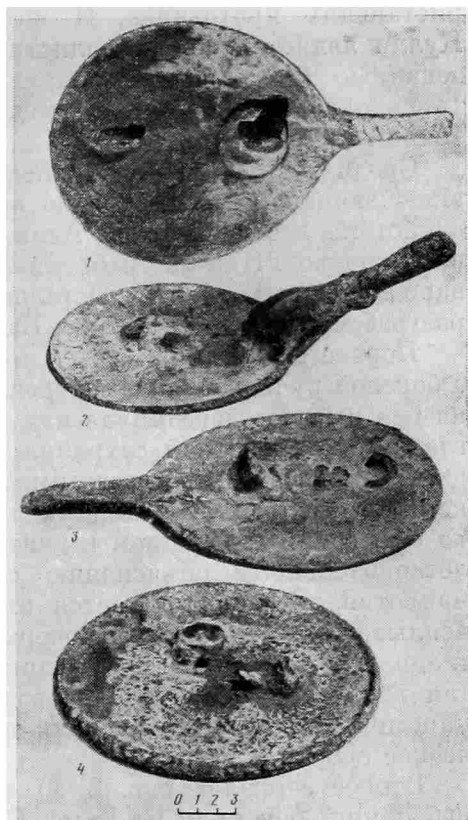

Рис. 2. Зеркала, происходящие из могильников эпохи бронзы области Балх (Афганистан)

В настоящее время благодаря широким раскопочным работам в Бактрии количество подобных зеркал превосходит все, что было известно ранее, однако это еще не обязательно указывает, что изготовление такого типа зеркал принадлежит только Бактрии. Не исключая полностью возможности проникновения зеркал с антропоморфными ручками в соседние с ней области, в том числе в Белуджистан, не следует исключать и иное допущение, а именно предположение о возможном существовании общего для них более западного центра. В этом плане показательны изделия так называемых луристанских бронз, среди которых имеется зеркало с ручкой, отлитой в виде женской фигуры⁵. Правда, на этом иранском зеркале руки у женской фигуры подняты вверх, а не опущены вниз, так что последняя поза, характерная для бактрийских зеркал, скорее всего отражает местную переработку более западного прототипа. В этом плане показательна устойчивая иранская традиция изображения ручек в виде ног женской фигуры с руками, поднятыми вверх, отмечаемая на зеркалах селевкидского времени, как, например, в Масджиди Сулейман⁶. Впрочем, и здесь имеются фигуры, одна рука у которых поднята вверх, а вторая упирается в бок.

Возвращаясь к бактрийско-белуджистанским зеркалам с антропоморфными ручками, думается, что подобные изделия не столько являлись импортом из Ирана, сколько были изготовлены на месте под влиянием лу-

⁵ Godard A. Les Bronzes du Luristan. *Ars Asiatic*, v. XVIII, Paris, 1931, pl. XXXIII.

⁶ Ghirshman R. Terrasses Sacrées de Bard-e-Nechandeh et Masiid-i Solaiman. *L'Iran du Sud-Ouest du VIIIe S. av. n. ère and V^e S de n. ère*, vol. II. Paris, 1976, tabl. CIV, 1—4.

ристанских прототипов. И возможно, не случайно зеркало культуры Кулли является более реалистично выполненным, чем предельно стилизованные бактрийские зеркала, что может указывать на длительный (а не одноактный) период воздействия иранской торевтики далее в восточном направлении.

Среди коллекции бактрийских зеркал имеется уникальная группа, включающая всего несколько образцов и более пока нигде неизвестная в системе всей Передней Азии. Нами учтено всего пять таких зеркал; все происходят из разграбленных могил Бактрии; одно из них опубликовано недавно П. Амье⁷. Остальные четыре зеркала также происходят из разграбленных могил области Балх.

Первое из них (рис. 2, 1) представляет собой зеркало, отлитое вместе с боковой ручкой, конец которой заострен так, что, возможно, в древности на ней имелась деревянная или костяная обкладка. С одной стороны диск гладкий, с оборотной сохранил гравированную плоскость в виде сплошных завитков, скорее всего имитирующих водную стихию. Ближе к ручке имеется рельефный пирамидальный налест в виде выступающего кружка с высоким навершием в центре; сильная коррозия препятствует удовлетворительному объяснению смыслового назначения рельефа. Прямо напротив него располагается второе скульптурное изображение как бы всплывающего на водную поверхность животного. По существу на водной глади изображена лишь верхняя часть спины, шея и массивная вытянутая голова с выделенными позднями и выпуклыми глазами, отдаленно напоминающая крокодила или гиппопотама, если не какое-то фантастическое существо.

Второе зеркало (рис. 2, 2) также имеет круглый массивный диск с небольшим бортиком по краю. Боковая ручка изготовлена отдельно и отходит от диска не строго горизонтально, а, напротив, несколько приподнята вверх и по общему контуру напоминает вышеописанные антропоморфные ручки.

Одна сторона диска гладкая и являлась рабочей, вторая плоскость сохранила чеканный узор в виде волн и рельефный декор в виде двух фигур. Почти в самом центре имеется изображение пары выступающих наверх изогнутых внутрь рогов, по-видимому, принадлежащих какому-то крупному рогатому животному, скорее всего быку. Напротив рогов имеется четко сохранившееся рельефное изображение извивающейся змеи с выделенной и слегка приподнятой головкой. Есть все основания предполагать, что, как и на описанном выше зеркале, на этом образце мы также имеем взаимосвязанную, скорее всего тематическую композицию: из водной пучины на поверхность всплывает бык, навстречу которому устремляется легко скользящая по воде змея.

Третье зеркало имеет простую ручку, отлитую вместе с округлым диском и слегка заостренную на конце, что может указывать на былую обкладку. Одна сторона гладкая, оборотная сохранила чеканную разделку в виде волн и рельефные изображения: ближе к ручке пирамидальный, прямоугольный в плане выступ, перед ним сильно распластанная фигура лягушки и за ней подковообразный, с расширением на одном конце предмет. Думается, что и здесь мы имеем взаимосвязанную тематическую композицию, однако, к сожалению, кроме достоверной фигурки лягушки, два других изображения остаются неясными.

Наконец, четвертое зеркало круглое, с четко выделенным бортиком по краю, единственное из известных, которое не имело ручки (рис. 2, 3). Его лицевая сторона гладкая; оборотная плоскость сохранила чеканный узор в виде всех тех же волн и два рельефных изображения в центре. Одно из них сильно корродировано и почти полностью разрушено. Второе читается более определенно: это свернувшаяся в кольцо змея с

⁷ *Amiet P. Bactriane Proto-Historique.— Syria, t. LIV, fasc. 1—2, 1977, fig. 20.*

поднятой головкой, как бы нацеленная на возвышающийся перед ней предмет.

Уникальные зеркала Бактрии не имеют себе пока аналогий, и можно допустить, что они являются чисто местным изобретением. Это тем более так, если учесть, что только в бактрийско-маргианском центре так широко была распространена практика украшения изделий прикладного искусства композиционными, явно повествовательными сценами преимущественно мифологического содержания. Ярким свидетельством тому служат уже опубликованные каменные амулеты мургабского стиля⁸, сохранившиеся гравированные, явно сюжетные сцены, изображающие мирных животных, которых атакуют фантастические существа, чаще всего в образе драконов. В Бактрии⁹ известно еще больше подобных амулетов, на которых устойчиво прослеживается идея борьбы, противоборства реальных и фантастических существ. Необходимо подчеркнуть, что в композиционных сценах едва ли не главную роль играют змеи и драконы, олицетворяющие собой диаметрально противоположные начала. Предварительный анализ гравированных изображений на бактрийско-маргианских амулетах дает право предполагать, что змеи были носителями добра, а драконы — зла. Почти все подобные сцены при всей лаконичности и скупости художественных форм изображения буквально пронизаны общей идеей борьбы добра и зла, противоборства доброго и злого начала.

Если теперь обратиться к бактрийским зеркалам, то нетрудно заметить, что и здесь, вероятнее всего, изображены не изолированные и самостоятельные, а, напротив, взаимосвязанные в единую композицию персонажи, среди которых особо выделяются рептилии (возможно, драконы). Сколько бы ни анализировать эти тематические сцены, очевидно, что без письменных источников трактовка их будет выглядеть весьма гипотетично и условно, что, однако, не исключает поиски косвенных данных, позволяющих до определенной степени заглянуть в духовный мир людей, создавших эти изделия. Так, можно выделить признаки, устойчиво повторяющиеся на рассмотренных зеркалах, и в первую очередь то обстоятельство, что всегда эти сцены разыгрываются на фоне водной стихии. Думается, что это наблюдение не случайно, а отражает ту основную сюжетную канву, на фоне которой разыгрываются сами сцены.

В самом деле, почти на всех рассмотренных зеркалах имеются изображения типично земноводных существ, таких, как лягушки и змеи. Думается, что подобное сочетание признаков не случайно и отражает реально существовавшие верования древних бактрийцев, в которых водная стихия, так же как и водолюбивые существа, играла основную, глубоко символическую роль.

Если верна наша предпосылка о том, что гравированные изображения на каменных амулетах и скульптурные сцены на зеркалах являются художественным отражением народных мифов, своего рода «конспектами мифов», то в порядке предварительной гипотезы можно допустить, что водная стихия олицетворяла собой подземный мир, царство мертвых.

В этом плане показательны явно ритуальные сосуды, известные пока только в Бактрии и Маргиане, со скульптурными фигурками людей и животных по вепчику, а также рептилий и предположительно тюленей, находящихся глубоко внутри на стенках подобных сосудов. На бактрийских сосудах змеи и тюлени располагаются на самом дне, и если учесть, что некогда подобные сосуды были заполнены жидкостью, то станет очевидным присутствие именно этих существ внутри, в то время как птицы, животные и люди располагаются по бортику сосудов. В этом плане весьма показателен маргианский культовый сосуд, внутри которого находилось еще пять миниатюрных, но обычных, предназначенных скорее всего

⁸ Сариганиди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля. — СА, 1976, № 1, с. 42—68.

⁹ Неопубликованные материалы автора.

для разливания самой жидкости. И здесь люди, птицы, животные венчают борт сосуда, а змеи и предположительно тюлени помещены изнутри — они как бы выбираются из воды на сушу. Нет необходимости специально указывать на то, что у многих, в первую очередь индоевропейских, народов именно подземный мир часто ассоциируется с царством мертвых, куда после смерти попадают души умерших.

Не исключено, что в религии обитателей бактрийско-маргианского центра царство мертвых действительно помещалось под землей, где оно мыслилось в виде водной стихии, мирового океана. Есть и еще косвенные данные, как будто бы свидетельствующие в пользу подобной гипотезы. Среди медно-бронзовых перегородчатых печатей Бактрии имеются изображения антропоморфных фигур, нередко с короной на голове и крылышками, поднимающимися из-за плеч. Судя по эламо-месопотамской и хараппской глиптике, наличие пары рогов или рогатой короны является одним из главных признаков божеств местных пантеонов, так что вряд ли Бактрия, входившая в систему передневносточного мира, представляла исключение из этого правила. На бактрийских образцах такие персонажи, нередко с птичьим лицом, обычно восседают на высоком кресле (возможно, троне) или извивающемся существе¹⁰ и скорее всего действительно олицетворяют собой местные божества. Если такое допущение правильно, то в этом контексте особое значение приобретает главный атрибут бактрийских божеств — крылья, с бесспорностью указывающие на воздушное пространство, точнее небо, как место их постоянного обитания. В этом плане особенно показательна одна бактрийская печать, на которой такое антропоморфное существо с птичьим лицом восседает на кресле-троне, причем руки у него отсутствуют вообще, а вместо них изображены крылья, упирающиеся в круглый ободок самой печати¹¹. Налицо синкретичный образ, наделенный больше птичьими, чем человеческими чертами, что безусловно отражает божественную веру в существа, обитающие в небе и как бы парящие над землей. Особого интереса заслуживает сама иконография крылатых бактрийских божеств: сидя на возвышении, они упираются руками (руками-крыльями) в круглый ободок печати, создавая впечатление божественного существа, поддерживающего небосвод мироздания.

Приведенные косвенные наблюдения дают право выдвинуть гипотезу о трехчленной модели мира в бактрийской (а скорее всего и маргианской) космологии: небо как обиталище богов местного пантеона; земля, населенная людьми; подземное царство мертвых, выступающее в виде водной стихии или мирового океана. Естественно думать, что предложенная трехчленная модель мироздания лишь в самой общей форме намечает пути возможных реконструкций бактрийско-маргианской космологии, которая отличалась многоярусной мифологической системой.

Опираясь на эти наблюдения, попробуем теперь подойти к возможной интерпретации рельефных изображений на бактрийских зеркалах. Упорное постоянство, с которым древние мастера чеканили на их дисках бесчисленные волнистые завитки, скорее всего имитирующие водную стихию, заставляет нас допустить, что основная тематика этих сцен связана с загробным миром. Подобно тому как «верхний мир» населен был божественными крылатыми существами, точно так же «подземный мир» заселен был животными и в особенности рептилиями. Хотя семантика подобных тематических сцен во многом еще неясна, показательны два зеркала (рис. 2, 4), где в явно противоборствующей позиции изображены змеи и в одном случае предположительно крупное рогатое животное, скорее всего бык. Думается, что перед нами тематическая сцена, когда из водных глубин «мирового океана» на поверхность «мироздания»

¹⁰ Сариганиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, рис. 47, 4, 7, 10.

¹¹ Amiet P. Op. cit., pl. VI.

всплывает (появляется?) бык, навстречу которому в стремительном движении с приподнятой в агрессивной позе головой устремляется змея или дракон. Представляется, что в такой же агрессивной позе изображено и другое существо (рис. 2, 4), однако плохая сохранность второго объекта затрудняет более полное толкование всей сцены.

Дальнейшее исследование в этом направлении уточнит наши представления о конкретных образах, изображенных на бактрийских зеркалах, но одно положение кажется уже сейчас вполне очевидным: если не все, то большинство рассмотренных сцен отражают идею противоборства, противопоставления двух начал, связанных с представлениями о потустороннем мире. Упорное постоянство, с которым встречается сочетание водной стихии и змей или драконов, невольно заставляет вспомнить «змея глубин» Ригведы, одного из основных мифологических персонажей. Возможно, это случайное совпадение, что, однако, не исключает существования общих индо-иранских представлений, но получивших свои собственные интерпретации в мифах отдельных регионов этой части Юго-западной Азии.

Наконец, зеркало, отражая человеческий образ владельца, тем самым отражает и его возрастные изменения, ведущие к старению и в конечном счете к смерти. Очевидно, что зеркала приобретали магическое значение, так что сцены на них скорее всего должны были быть связаны с представлениями о загробном мире в том виде, как это было засвидетельствовано в местном мифотворчестве. Естественно думать, что подобные мифы носили повествовательный характер с длинной сюжетной канвой, и лишь наиболее яркие и драматические моменты можно было изобразить на подобных зеркалах. И в таком случае можно допустить, что жизнь и смерть, по представлениям древних бактрийцев, в конечном счете зависели от борьбы, постоянного противоборства добра и зла, доброго и злого начала, на чем по существу строилась и сама этико-религиозная концепция, находящая в таком случае знаменательную перекличку в философском миропонимании зороастрийской религии.

Н. Г. НЕДОШИВИНА

НОВЛЯНСКИЕ КУРГАНЫ

Курганная группа, состоящая из 22 насыпей, расположена на правом берегу р. Пахры близ дер. Новлянская Домодедовского р-на Московской обл.¹

Часть курганов обнесена оградой из земляных валов, внутри которых насыпи имеют неправильные, расплывшиеся очертания и носят следы более поздних нарушений. За пределами валов курганы выше и имеют форму правильного полушара.

Раскопки показали, что внутри ограды находятся старообрядческие захоронения XVIII в. в деревянных колодах с крестами². Старообрядцы, по-видимому, и обнесли часть старого вятического кладбища оградой из земляных валов и использовали курганы для своих захоронений. Поэтому внутри валов все насыпи имеют неправильную форму и содержат по несколько поздних погребений, часто полностью разрушивших ранние вятические могилы.

¹ Курганы были обследованы А. А. Юшко во время разведки 1968 г., когда ею была раскопана одна насыпь.

² Аналогичной формы, но серебряные кресты в отделе драгоценных металлов ГИМа определены как старообрядческие XVIII в.